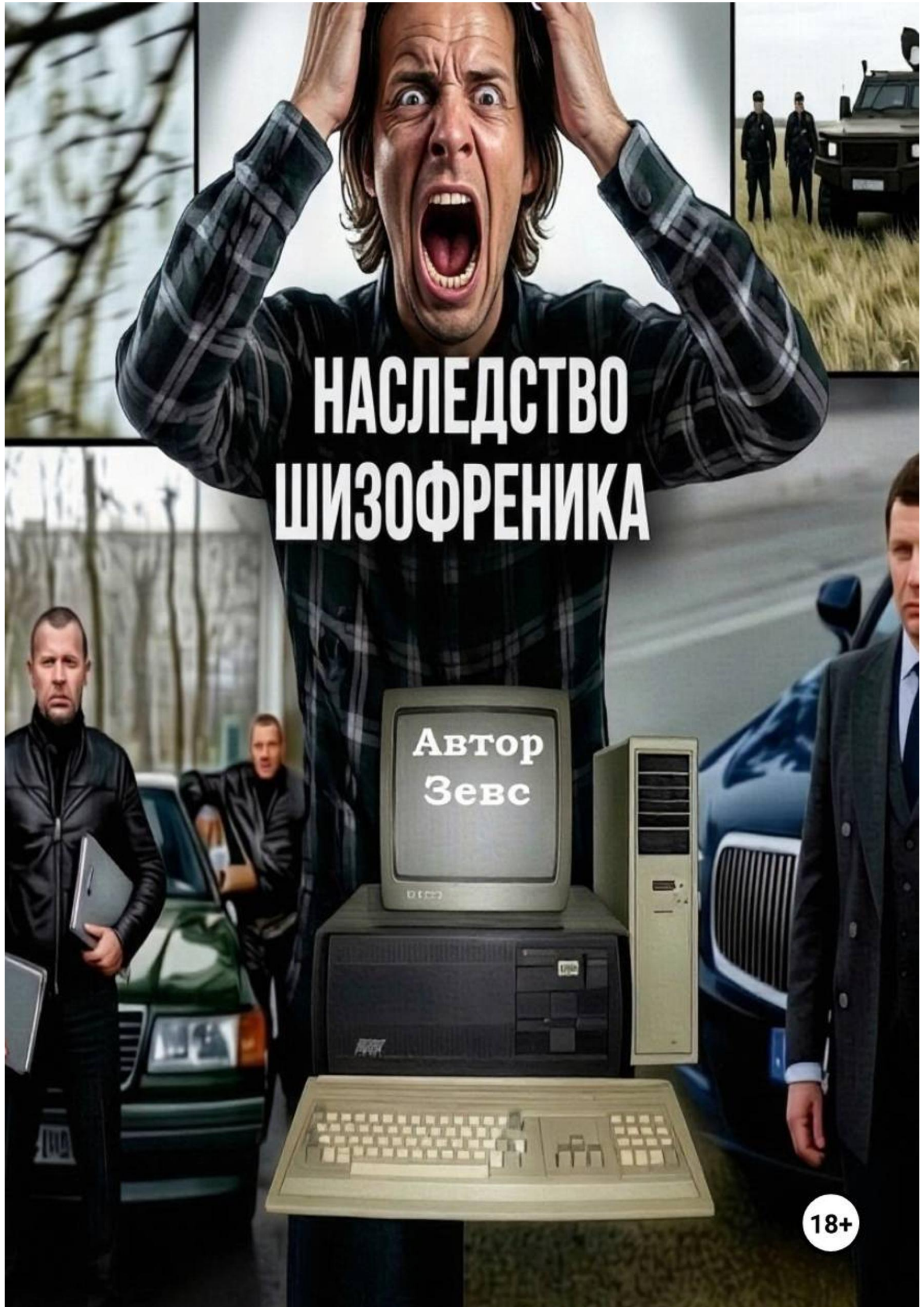

НАСЛЕДСТВО ШИЗОФРЕНИКА

Автор
Зевс

18+

Зевс

Наследство шизофреника

«Автор»

2026

Зевс

Наследство шизофреника / Зевс — «Автор», 2026

В центре мрачной и напряжённой истории — судьбы трёх людей, сплетённые в тугой узел обмана и возмездия. Непризнанный гений инженер Потапов по злой иронии судьбы доверился главному врачу психиатрической больницы Гардонову — лицемеру, скрывающему под маской благодетеля чёрную натуру. Параллельно разворачивается история Ильи Саломина — талантливого хакера, который из-за юношеской ошибки ступил на скользкую дорожку. Тюрьма перекроила его взгляд на мир: теперь он ясно видит грань между добром и злом и не желает становиться орудием в руках тех, кто вытащил его из заключения. Повествование скользит между эпохами: от лихих девяностых, где жажда наживы растоптала любые моральные устои, до наших дней. Но в игру вступает сила, которую никто не принимал в расчёт, — она долгое время томилась в заточении, почти как сам Илья, и теперь способна разрушить все планы злодеев. Сможет ли переродившийся преступник восстановить справедливость и отомстить за обманутого гения.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Зевс

Наследство шизофреника

Глава

Наследство шизофреника

Предисловие.

В мире всегда происходит много событий. Одни события могли происходить задолго до текущего момента либо быть актуальными в текущий период именно сейчас. Но так или иначе все эти эпизоды могут соединиться в одной-единственной точке времени, чтобы состоялось главное действо, которое является апогеем всего, что происходило ранее. И такое событие начинает служить новой отправной точкой в истории мироздания.

Глава первая. Начальный капитал

В смутные времена, когда добро и зло перемешаны и размыты границы морали, легко поддаться соблазну и стать на тёмную сторону. Обещанное светлое будущее не наступило, и впереди виднелась только зияющая чёрная дыра неизвестности, не сулящая никому ничего хорошего. Огромная, некогда могущественная страна, летела в пропасть, и все пытались отхватить от неё кусок пожирнее, чтобы была возможность хотя бы первое время переждать волну неизвестных потрясений.

Борис Павлович сидел в своем просторном кабинете с кружкой не очень ароматного кофе и думал обо всем этом. Он тоже хотел урвать свой кусок для безбедного существования, только его, как и многих других, к этому пирогу не пускали. Это очень напрягало и лишало покоя, но навязчивая мысль лёгкой наживы назойливым червём вгрызалась в мозг, рисуя в голове образ успешного и респектабельного мужчины. В этот момент мечты улетучились от громкого стука в дверь, которая затем открылась, и в кабинет вошла медсестра Лидочка.

— Доктор, он перестал мычать и биться головой о спинку кровати. Медбрат даже слышал членораздельные фразы.

— Как давно он не мычит?

— Не знаю... Может, пятнадцать минут, может, полчаса. Я отходила чай попить, просила Кириюшу присмотреть за его палатой. Но вы же знаете: в двенадцатой — Сивкин, он к нему ходил ремни проверять. А как только вернулся к третьей и не услышал мычание Аркадия Самсоновича, сразу пришёл в сестринскую и сообщил мне. А я уже сразу к вам.

— Хорошо, это очень хорошо. Вы молодец, Лидочка, но теперь мне нужно спешить. Я срочно иду в третью. Ко мне не входить, меня ни для кого нет. И, уже чуть тише, практически бормоча себе под нос, добавил: - Боюсь, что в этом состоянии он пробудет недолго, и мне в последний раз удалось пробиться к остаткам его сознания.

Гардонов Борис Павлович был главным врачом психиатрической клинической больницы № 3 имени В. К. Гланушкина уже третий год. Более интересных и выгодных перспектив в ближайшем обозримом будущем не предвиделось. Медицинская система в стране разваливалась, как в целом и вся страна. На дворе был 1989 год, январь. Зарплату задерживали, но даже если бы и платили вовремя, то купить на эти гроши особо было нечего.

А для душевнобольных финансирование худо-бедно, но выделялось. И Борис Павлович, путём грамотного распределения средств, а проще говоря, воровства, пока что мог обеспечивать безбедное существование своей семье. Как и все беспринципные люди, он был умен и

расчётлив. Именно поэтому он прекрасно понимал, что скоро эта лавочка прикроется. Нужно было открывать своё дело: в эпоху перемен это был самый лучший момент.

Но нужен был первоначальный капитал, причём не маленький. На ларьки и торговые точки на рынке Борис Павлович размениваться не хотел. Если уж и браться за дело, то по-крупному. Был вариант пригонять тачки из Германии, и со временем можно было бы автосалон организовать, но он точно знал, что у этих машин тёмное прошлое и с ними можно было влипнуть, поэтому оставил эту мысль про запас. Сам же он тяготел к электронике, в которой немного разбирался, так как с детства увлекался ею, и понимал, что за ЭВМ — будущее. И сейчас самое прибыльное дело — это поставки компьютеров из-за рубежа, но денег у него могло хватить максимум на пару таких машин. А из-за такие мелочи с ним связываться никто не будет. Поэтому он стал ждать, когда судьба даст ему шанс, который он точно не упустит и использует возможность реализоваться на полную катушку.

И такой шанс представился. В августе тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года к нему в больницу поступил человек, страдающий острой шизофренией — Аркадий Самсонович Потапов. Ничего необычного, очередной подопечный. По долгу службы Борис Павлович должен был общаться со своими пациентами и фиксировать, как протекает их болезнь — прогрессирует или же назначенное лечение дает ожидаемый эффект. К счастью, применяемая терапия оказывала нужное воздействие и у данного пациента случались просветления в сознании. В один из таких моментов, когда Потапов был в себе, доктор абсолютно случайно выяснил, что Аркадий Самсонович — увлечённый электронщик, который, по его заверению, создал ЭВМ нового поколения. Потапов, сбиваясь в словах от своего эмоционального возбуждения, с диким восторгом в глазах утверждал, что его изобретение на десятки лет опередит своё время.

Борис Павлович, конечно же, не воспринял эту информацию всерьёз. Однако, поддавшись на уговоры пациента, разрешил, чтобы ему привезли этот якобы прорывной ЭВМ из пустующей квартиры Аркадия Самсоновича для того, чтобы он смог закончить работу над ним. Возможно, на принятие этого решения как раз и повлиял тот факт, что доктор сам испытывал интерес к такого рода вещам.

Когда привезли ЭВМ, Гардонов осмотрел его и не нашёл ничего для себя интересного: это была первая версия «Агата» — советского серийного универсального 8-разрядного компьютера, за исключением нескольких блоков, закреплённых на корпусе, которые напоминали большие конденсаторы. Он самолично принёс компьютер в палату Потапову и особого интереса ждал, когда тот покажет, что именно приводило его в восторг. Гардонов считал, что для выжившего из ума пациента психушки работа старенького «Агата» уже сама по себе кажется, чем-то сверхъестественным и прорывным.

Но, когда Аркадий Самсонович включил устройство и продемонстрировал его возможности, Гардонов некоторое время пребывал в ступоре, и на его лице читался немой вопрос: «Как?». В зарубежных журналах он читал о возможностях последних новинок. К примеру, о Cray-2 — суперкомпьютере, который называли самым быстрым и мощным в 1988 году. Но, насколько понял Гардонов, даже их супермашина не была способна на то, что вытворял старенький «Агат». И это учитывая тот факт, что по словам Потапова, программа не дописана и «Агат» работает лишь на пятнадцать процентов своих возможностей.

Поняв, что это и есть тот шанс, который он ждал, Гардонов разрешил Потапову работать, понимая, что он — непризнанный гений. Однако он взял с него пациента слово, что тот никому не расскажет о том, что главврач разрешил ему иметь личные вещи. Мол, это же, запрещено, и ему, то есть главврачу, может за это прилететь от вышестоящих органов. Конечно, это он всё придумал, чтобы Потапов больше ни с кем из медперсонала не поделился своим открытием.

Выделив отдельную палату, Борис Павлович сказал Потапову, что он лично проследит за ходом лечения, а также даст распоряжения, чтобы ему не мешали работать. В обмен на это Аркадий Самсонович должен был научить пользоваться «Агатом» и рассказать, как он устроен.

Первые пару месяцев всё шло благополучно. Потапов работал над «Агатом» и, по мере продвижения своей работы, показывал Гардонову, как работать с устройством. Но только лишь базовые навыки: включить-выключить и пользоваться операционной системой на уровне юзера. О самом же устройстве и принципах работы Аркадий Самсонович обещал рассказать, когда полностью закончит работу над устройством.

Моменты обострения шизофрении в этот период удавалось купировать препаратами, имеющимися в распоряжении больницы.

Но со временем приступы усилились и стали затяжными. Гардонову становилось всё труднее возвращать рассудок Потапову, и для этого он уже использовал импортные препараты, которые покупал за собственные деньги. По истечении пяти месяцев Потапов наконец-то завершил работу над «Агатом» и должен был поделиться своими знаниями. Однако, в самый неподходящий момент, когда Борис Павлович пришёл к нему за новыми знаниями, рассудок Аркадия Самсоновича снова помутился. Гардонов пытался помочь своему гениальному сумасшедшему подопечному, но тщетно. А когда он хотел включить «Агат», проверить, на какой стадии работа, сделать этого не смог, так как там был установлен пароль, которого до этого не было. Гардонов пришёл в ярость: было огромное желание задушить несущего всякую чушь невменяемого Потапова. Но где-то там, в этой обезумевшей голове, были ответы, которые были так нужны, и, если оставался хоть один малейший шанс, его нужно было использовать. Гардонов продолжил лечить и ждать. Почти три недели он ждал; за это время он сам стал похожим на своих пациентов: практически не ел, не спал, сутками дежурил в больнице, — и это дало результат.

— Слушай, Палыч, я что-то в толк никак не возьму, чего ты так печёшься за этого шизика? — спросил медбрат Кирилл, когда главврач, спустившись по лестнице с третьего на второй этаж, приблизился к нему. — Насколько я понимаю, клиент уже совсем с катушек слетел, а ты всё нянчишься с ним. Зачем?

— Понимаешь, Кирилл Дмитриевич, в каждой профессии человек должен проявлять себя как художник, писатель, в общем, проявлять творческое начало, если можно так выразиться. Так вот, Аркадий Самсонович — холст, над которым я ещё не закончил работать, и работу нужно довести до конца.

С этими словами Гардонов прошёл мимо огромного медбрата Кирилла Дмитриевича, детины-переростка с лицом, не обременённым умом, и проследовал к третьей палате. Открыв нужную дверь и обернувшись на пороге, сказал:

— Меня не беспокоить ни при каких обстоятельствах.

— Художник? Холст? При чём здесь это? По-моему, здесь все психи — в этой богадельне, а врачи — в первую очередь, — бубня себе эти слова под нос, Кирюша направился в противоположную часть коридора, где располагался сортир. Он уже десять минут хотел справить нужду, но терпел, пока не придёт главврач, так как медсестра Лидочка велела дожидаться доктора.

Оказавшись в палате, в полумраке, Гардонов рассмотрел Аркадия Самсоновича, сидящего на кровати и смотрящего в одну точку. Казалось, что он неадекватен. Худое вытянутое лицо, выпученные глаза, губы, искусанные в кровь, никак не указывали на то, что ему стало лучше. Но Борис Павлович знал, что если пациент не шатается из стороны в сторону, бормоча при этом несвязные бредовые слова, а уставился в одну точку, то сознание к нему вернулось.

— Аркадий Самсонович, вы меня слышите? Это я, Борис Павлович, — сказав это, он приблизился к кровати и постарался стать так, чтобы не попадать в ракурс зрения пациента, но при этом видеть его лицо.

— Сколько? — еле слышно, пересохшими губами спросил Потапов.

— Что — сколько, Аркадий Самсонович?

— Сколько меня не было?

— Да пустяки, каких-то пару дней, — Гардонов врал, чтобы пациент ни в коем случае не нервничал и оставался хотя бы в этом состоянии.

— Бросьте, Борис Павлович. Я уже посмотрел на свои исколотые вены, и во рту стоит устойчивый привкус белкового концентрата, которым вы меня пичкали. Сколько? Две недели? Месяц?

— Ну какой месяц, о чём вы говорите? Ну да, в этот раз затянулся кризис. Всего-то пару недель, но мы справились.

— Не обманывайте ни себя, ни меня. Вы знаете, что это в последний раз, когда вы меня можете понимать, — при этих словах Потапов повернулся к Гардонову.

— Хорошо, согласен. Вас обмануть трудно. Тогда давайте начистоту и не будем терять времени. У нас остались незаконченные дела, которые нам следует довести до конца. Если вы не забыли, конечно.

— Я помню.

— Вот и хорошо. Тогда давайте приступим. Мне непонятен один момент: зачем вы поставили пароль на «Агат»? Мы так не договаривались, и вы обещали мне рассказать и показать всё.

— Сам, сам... Это сам... Я... Нас... — Потапов стал закрывать глаза и слегка раскачивать тело.

— Нет, нет, нет! — Гардонов подбежал к пациенту и, вытащив из кармана шприц с препаратом, который он держал на этот случай, ввёл его в плечо Потапову. Это была крайняя мера, способная на время вернуть рассудок, если человек только начинал проваливаться в бессознательное состояние. Но была побочка: после окончания действия препарата человек окончательно становился овощем. Подождав тридцать секунд, он стал шлёпать по лицу Потапова, возвращая его в реальность.

— Да, да, я здесь, — прекратив нести бред и отворачиваясь от очередной оплеухи, вымолвил Аркадий.

— Аркадий Самсонович, пароль! Скажите пароль, а потом мы продолжим. Опасаясь, что времени совсем не осталось, подгонял Гардонов.

— Да, да, я скажу, обязательно скажу. Но только пообещайте мне, что когда вы явите «Агат» миру, вы скажете, кто его разработал, и проследите, чтобы его использовали только в добрых делах. Обещайте мне!

— Конечно, конечно, можете не сомневаться. Я же ни разу вас не обманул. А вы так поступаете со мной: пароль ставите. Я же ваш друг и соратник. Конечно, это, безусловно, ваша и только ваша заслуга, и все об этом узнают. Так скажите вначале, какой пароль, а потом продолжим, и вы мне расскажете об устройстве «Агата». Помните, вы обещали?

— Да, да, помню, безусловно, помню. Вы не обижайтесь на меня, Борис Павлович. Пароль я поставил, когда закончил работу и почувствовал, что начинаю терять свои мысли. А так как я с вами не поговорил и не услышал от вас слова обещания использовать устройство в благих целях, я не мог допустить, чтобы кто-то другой мог им воспользоваться. Теперь слушайте. Пароль от «Агата» — «Кассиопея 1973». Это по фильму, помните? Я очень любил этот фильм, и на создание «Агата», наверно, повлиял и этот чудесный фильм в том числе...

— Аркадий Самсонович, прошу вас, давайте не будем отвлекаться. Пароль я запомнил. Давайте введём его, и вы продолжите рассказывать об устройстве: как оно работает, из чего состоит.

— Да, да, простите. Отвлёкся просто. Приятно было вспомнить, с чего начались мои мечты.

В это время Гардонов подошёл к столу, на котором стоял «Агат», ввёл пароль, и на синем экране отразилось загрузочное меню операционной системы. Подойдя к Потапову, он помог

ему подняться с кровати и присесть за стол, где стояло устройство. Взглянув на своё детище, Аркадий Самсонович дрожащей рукой провёл по экрану монитора и сказал:

— Борис Павлович, слушайте и запоминайте: эта технология на десятилетия опережает время, распорядитесь ей правильно. Само устройство состоит из...

...раффкрруукк ост.

Глаза Потапова помутнели, и его речь окончательно превратилась в набор звуков, а затем перешла в мычание. Борис Павлович понял: всё кончено.

Глава вторая. Все вокруг — общественное, все вокруг — моё.

Бивень сидел в машине и пролистывал журнал *Playboy* — его он забрал из ларька, который крышевала его группировка. Тёмно-серый Ford Scorpio был припаркован мордой на лужайке, практически в цветочной клумбе, и стоял поперёк тротуарной дорожки. Люди возмущённо обходили машину и громко ругались на такое хамское отношение. Бивень, опустив стекло, улыбался, листал журнал и с наслаждением слушал причитания незадачливых прохожих. У него с утра было хорошее настроение, и поэтому хотелось дать кому-нибудь в морду. Он ждал любого подходящего случая, и если бы кто-либо подошёл к нему с просьбой убрать машину, он обязательно затеял бы драку. Но, к сожалению, никто не решался. Лишь одна пожилая старушенция подошла к водительской двери и начала отчитывать. Бивень смерил её презрительным взглядом и, усмехнувшись, продолжил пялиться в журнал.

Через какое-то время подошли его кореша — Газан и Храп. Храп был главным, он был из бывших прапорщиков. Всегда тянул то, что плохо лежит, что в конечном итоге привело его к трибуналу. Но, отсидев под следствием и не получив реального срока, был освобождён и уволен со службы. Однако годы, отданные государству, не прошли зря - сбывая различный товар, обзавёлся связями в тёмных кругах общества и, оказавшись на вольных хлебах, организовал вокруг себя небольшую группу, занимающуюся рэкетом и вымогательством.

— Ну что, Бивень, не заснул тут? Вышел бы размялся, а то смотри, скоро жопа у тебя будет иметь форму кресла, — сказал Газан, садясь на заднее сиденье справа.

— Ты за мою жопу не переживай, она будет красивее твоей рожи, в которой явно зубам тесно, и я с удовольствием это исправлю, если не прекратишь скалиться, чухан немый. Газан был дагестанцем и имел довольно смуглую кожу.

— Слышь, фуфел, ты кого чуханом назвал? Порежу — пикнуть не успеешь!

— Хорош, я сказал! Ведёте себя как гопники-переростки. Энергию девать некуда? Так я быстро отправлю вас топтунами — дань с барыг на рынке собирать, если надоело в тепле да сытости вопросы решать, — прервал их перепалку Храп, севший на переднее пассажирское сиденье.

— Да ладно, босс, пошутили мы. Ты же знаешь, что среди своих всё всегда ровно. Это мы так, для тонуса, — стал оправдываться Бивень.

— То-то. А сейчас — о деле. Офис за углом, на входе один хмырь — охранник, внутри ещё двое. Но вы их не трогаете и не задеваете. Мы идём туда с деловым предложением. Ведём себя прилично: я ваш руководитель, вы — охрана. Заводи, поехали!

Когда «Форд» подъехал к офису брокерской фирмы, охранник у двери даже не повернулся в их сторону. Лишь когда все трое вышли из машины и направились ко входу, он взглянул на них, оценивая, стоит их пускать в офис или нет. Все трое были прилично одеты, а на лицах у них не было написано, что они социально чуждый элемент, поэтому они беспрепятственно прошли внутрь здания, где располагалась брокерская фирма «Изобилие».

Оказавшись внутри одноэтажного здания, они прошли в приёмную директора этой организации и хотели пройти напрямик к нему, но секретарша остановила их, сказав, что директор сейчас не принимает, нужно подождать минут десять.

— Что за... — хотел разразиться грязной руганью Газан. Но Храп на него зыркнул, и тот заткнулся.

— Конечно, подождём. Мы расположимся здесь, — и Храп жестом руки показал Бивню и Газану, чтобы те сели на диван, стоявший возле стены. А после них и сам устроился в одном из уютных кресел.

Белокурая секретарша с огромными глазами и не менее огромным бюстом села на своё рабочее место и стала перекладывать какие-то бумажки на столе, делая рабочий вид. А затем вспомнила, что она даже не поинтересовалась у вошедших, зачем им надо к директору.

— Уважаемые господа, простите, забыла спросить: вы к нам по какому вопросу прибыли?

Усмехнувшись и понимая, что этой дурочке он точно не станет говорить о цели своего визита, Храп решил пошутить:

— Я планировал дать рекомендации вашему директору, как избежать травмоопасных ситуаций при введении в организм нагревательных приборов.

Видя хорошее настроение босса, Газан тоже решил вставить свои пять копеек:

— А я мог бы проконсультировать, как вести себя в тюрьме и не потерять лицо!

Секретарша застыла в недоумении:

— Простите, но я не совсем понимаю, о чём вы говорите. Это относится к финансам?

— Да, относится! — раздражённо сказал Храп, которому надоело ждать и надоел этот глупый разговор с секретаршей. — Твой хозяин не платит по счетам и уже прилично задолжал. И чем дольше мы ждём, тем его долг становится больше. Поэтому, дорогуша, иди-ка ты скажи, что к нему деловые партнёры пришли.

Уловив смену настроения, секретарша, поморгав огромными ресницами, встала и пошла в кабинет директора.

— Борис Павлович, там в приёмной сидит какой-то господин, — сказала секретарша директору. — Он хочет видеть вас по поводу какого-то счёта, который вы ему не оплатили. Имени своего он не назвал.

— Ха, очередной. А как он выглядит?

— Он выглядит так, что, думаю, он рассчитывает, что вы заплатите без промедления.

— Думаю, он, конечно, не один?

— Как вы догадались? Их трое.

— Ладно, проси. А когда они ко мне зайдут, сразу вызывай охрану.

Секретарша выполнила в точности, как приказывал директор: пригласила гостей к нему и, когда они зашли, связалась с постом службы безопасности.

Разговор по поводу якобы честного сотрудничества в виде крышевания, а проще говоря, рэкета, конечно же, не состоялся. А когда беседа пошла на повышенных тонах, в кабинет зашла охрана, вежливо похлопывая резиновыми дубинками по ладоням.

Бивень, у которого кулаки чесались с самого утра, уже приготовился к хорошей драке. Газан уже взял со стола стеклянную бутылку с боржоми.

— Ша, братва. Мы же деловые люди. Зачем портить мебель в офисе, который скоро станет нашим? А дома не мусорят, — слова Храпа немного обескуражили охранников: до этого никто так нагло себя не вёл. Они посмотрели на директора с вопросительным взглядом.

— Проводите господ на улицу и проследите, чтобы они сюда больше не попадали. А насчёт моего офиса — это у них фантазия разыгралась. Помойка в подворотне — их офис, — распорядился директор.

— А за это, фуфел, я теперь с тебя тройне спрошу. И после этого параша тебе курортом будет казаться. Нынче в нашей стране нет такого: «твое — моё», «всё вокруг общественное, всё вокруг моё», — бросил Газан.

Когда охрана уже встала в стойку и собиралась применить дубинки, то видя, как накаляется ситуация, Храп махнул рукой и приказал своим поделщикам идти на выход.

Почти на самом выходе из офиса мимо Храпа и его людей проследовали два молодца, которые несли тяжелые (запаянные) опломбированные мешки. А выйдя из здания Храп, обратил внимание, что прямо напротив входа стояла инкассаторская машина. Пройдя чуть дальше по тротуару, все трое сели в «Форд» под пристальными взглядами двух охранников, вышедших проводить их.

— Ну чё, сжигаем офис? Или ищем дома вместе с роднёй и кошмарим? — потирая ладони, спросил Газан.

— Нет, на этот пирог у меня другие планы. Тем более я убедился, что инфа про эту контору — в цвет. Нужно мозгой пораскинуть. Едем в «Бочку», — ответил Храп.

Глава третья. «И ум есть, и не калека. Но...»

Полуподвальное помещение, в котором располагалось кафе-забегаловка «Бочка», находилось в спальном районе на окраине города. Контингент, посещавший это заведение, приходил сюда отнюдь не за вкусной едой или приличной выпивкой: здесь была особая атмосфера, которая сложилась сама собой благодаря завсегдатаям этого места. А ими были в основном местная гопота, блатные и приклатнённые разных мастей, ну и мелкие авторитеты, имеющие в своей группировке уже хотя бы пять-шесть бойцов.

«Бочка» бала идеальным местом для решения мутных вопросов, в добавок после утомительного несправедливого дня можно было завалиться в сауну за углом, принадлежащую тому же хозяину, что и «Бочка». Милиция сюда никогда не совалась, так как здешний участковый был прикормлен, да и вызывать было некому: местные жители боялись, а хозяин кафе всегда обращался к старшим авторитетам по спорным вопросам. В общем, случайных людей здесь не бывало.

В глубине прокуренного зала этого чудесного заведения сидели двое молодых парней. Один — лысоватый, крепкого спортивного телосложения, с бокалом пива — лихо отпивал из бокала, закидывал в рот солёные орешки и что-то громко рассказывал своему товарищу. При этом он громко смеялся, да так, что недожёванные частички орехов вылетали у него изо рта в разные стороны. Второй парень — черноволосый, имеющий обычное телосложение, — сидел с чашкой чая, делал вид, что внимательно слушает своего компаньона, и время от времени брезгливо смахивал со стола ошмётки орехов.

Это были бывшие одноклассники и друзья — Юра Жмаков и Илья Саломин. Юру, правда, в седьмом классе, чтобы совсем не выгонять из школы, перевели в вечернюю школу, так как ни в учёбе, ни в поведении он не проявлял особых успехов. Илья же, наоборот, закончил школу с отличием и поступил в институт на факультет вычислительной математики и кибернетики.

И, хотя это были два абсолютно разных типажа по поведению и социальному статусу, их объединяла дружба с детства. В их тандеме Илья был голова, а Юра — мышцы. Илья, имея великолепный ум, в совершенстве овладел навыками и принципами работы с любой электронной техникой. Он мог быть как виртуозным «программером» (разговорное обозначение программиста), так и грамотным «технарём», умеющим работать с любым «железом» (детали из которых состоит ЭВМ).

Их маленький бизнес заключался в продаже левых программ, пиратских копий фильмов и музыки, а также поддельных бланков и иногда некоторых документов. Но самостоятельно долго они не просуществовали и прибились к одной из группировок, которая вначале поставила их на счётчик, а затем, рассмотрев потенциал пацанов, оставила их при себе.

Когда Храп и Бивень вошли в помещение и, обогнув бильярдный стол, прошли мимо, Юра замолчал и посмотрел, какую из трёх закрытых кабинок займёт их босс. Храп, пройдя мимо первой кабинки, поприветствовал сидящую там братву, прошёл мимо второй пустой кабинки и занял третью. А раз он не присел к братве и не расположился рядом в соседней кабинке, а отсел подальше, значит, пришёл не отдыхать. Тут показался и Газан: проходя мимоходом, он потрепал Илью по голове, отчего взъерошил его тёмные длинные волосы. Ненадолго войдя в кабинку, где сидели Храп и Бивень, он выглянул оттуда и стал махать Юре и Илье, чтобы они шли к ним.

— Здоров, молодёжь, как сами? — поприветствовал вошедших парней Храп. — Присаживайтесь, базар базарить будем.

В этот момент подбежал официант и поинтересовался, что гости будут заказывать.

— Всем пива, шелухи там какой к пивку. побыстрее! И потом тут не отсвечивать, — распорядился Храп.

— Храп, чё за дела? Я бы и беленькой вмазал: уже обед, а мы постимся, как перед явкой к прокурору, — стал возмущаться Бивень.

— Хлеборезку завали. Будешь поститься, пока я не разрешу, а то смотри — нарзан твоим напитком будет, — отрезал Храп.

— Извините, но я бы чай предпочёл, вы же знаете, я алкоголь не очень, — не понимая момента, вставил Илья.

— Да вы чё, совсем берега попутали? Я давал команду базарить? Не хочешь — оставишь или заглотишь всё до капли, если я прикажу!

Все замолчали, уткнувшись глазами в стол, понимая, что душевной беседы не будет.

Когда официант принёс заказ и отошёл от кабинки на несколько метров, Храп начал разговор:

— Значит так, слушайте внимательно. Есть тема поднять много и быстро, но нужно кое-куда вломиться, чуток кое-кого пресануть и открыть немножко запертую дверь.

— Но это же не наша тема, — сделав глоток пива, вставил Бивень.

— Наша — не наша... Сейчас все темы общие. Если никогда не делали, то самое время начинать. А если всё срастётся, хватит всем лет на пять в кайф брюхо погреть где-нибудь на Кубе.

Окинув суровым взглядом всех сидящих за столом, Храп продолжил:

— Короче, слушайте. Помните ханурика Липермана, который погорел на финской сантехнике, когда его фура в кювет улетела и весь груз разбила?

— Ха, конечно, помним! Мы же с тобой к нему ходили, и он бережно отдал нам документы на свою квартиру. Правда, что-то лепетал разбитым ртом, что жить негде, — вспомнил Газан.

— Так вот, вчера он пришёл ко мне и снова стал канючить, что всё отдаст, что за него может поручиться брат — он большой человек, живёт богато и даст гарантии. Мне стало интересно, что это за брат такой, и я поехал вместе с Липерманом прямиком к тому брательнику. И действительно — жирный такой Мойша в упакованной хате, живёт и ни разу не дёргает глазом. Я прикинул: гусь не щипаный, — и сразу беру его в оборот: грузу что братан его попал, квартиру он отдал — но это лишь малая часть, а так ещё должен остался и неплохо бы рассчитаться. Тут пухлый абрам немного дурно себя почувствовал и начал возмущаться. Так я их малость попинал обоих, а пузатому братану утюг приладил к брюху.

— Да ладно, у нас ещё остались непуганые идиоты? — удивился Юра.

— Выходит, остались. Но это не главное. Хоть утюг и припекал брюшко свинки, со своим добром он расставаться не хотел и стал верещать, что знает, где есть в сто раз больше, и расскажет, если я отпущу его. Так вот, он поведал, что работает бухгалтером в одной невзрачной брокерской фирме. Контора неприметная, нигде не отсвечивает. Но внутри, в подвальном

помещении, оборудован сейф, в котором хранятся огромные суммы — не только советские рубли, там и зелень, и дойчмарки, и вроде даже золотишко в слитках.

— И где эта контора? Там, наверное, охраны немало? И охраняют, наверно, не «васьки», а «чоповцы»? — понимая, к чему ведёт босс, сказал Бивень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.